

ИЗУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ МОДЕЛЕЙ СКОРОТЕЧНОГО РАЗРУШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ

Д.С. Жуков, доц. кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. истор. наук

С.К. Лямин, доц. кафедры Российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, канд. истор. наук

Статья посвящена проблемам компьютерного моделирования социально-политических процессов. Проанализированы механизмы скоротечной трансформации институтов. Рассмотрены возможности использования некоторых имитационных моделей для анализа нелинейных эффектов форсированной институциональной модернизации. В качестве объектов приложения «модельных» инструментов предложены цветные революции, а также деструкция традиционных неформальных институтов.

Ключевые слова: институционализм, компьютерное моделирование, модернизация, социально-политические процессы, tipping-модель, фрактальное моделирование, традиционные неформальные институты, цветные революции.

Естественное развитие институтов под воздействием внутренних факторов включает в себя не только эволюционные периоды, но сверхбыстрые переходы акторов на новые институциональные платформы, к новым «правилам игры». Эффекты скоротечной трансформации социополитических институтов могут быть весьма болезненными для социального организма. Известно, что подобного рода механизмы используются для провоцирования социополитических потрясений под воздействием импульсов извне, в интересах внешних акторов. В этом случае социальные издержки институциональных трансформаций существенно возрастают. Кроме того, социальный организм, против которого использованы такие технологии, не имеет гарантий перехода к нормальному стабильному, естественному развитию. Здесь стоит вспомнить: Бульдозерную революцию в Сербии (2000), Революцию роз в Грузии (2003), Оранжевую революцию на Украине (2004), Тюльпановую революцию в Киргизии (2005), Кедровую революцию в Ливане (2005), события в Азербайджане (2005), в Узбекистане (2005), попытку Васильковой революции в Белоруссии (2006), цветной революции в Армении (2008), события в Молдавии (2009), в Иране (2009), в Киргизии (2010), попытки Березовой революции в России (2011–2012), а также частично «арабскую весну» (Жасминовая революция и пр.).

В отличие от нормальных, закономерных скачков в институциональном развитии, сценарии искусственного провоцирования институциональной деструкции следует считать, в подавляющем большинстве случаев, «катастрофическими» — сопряженными с неприемлемым социальным ущербом и не выводящими на стабильную траекторию развития.

Данные технологии представляют собой одну из форм несилового (или «мягко-силового») вмешательства во внутренние дела, оправдываются ссылками на универсальные гуманистические и демократические принципы, преследуют цели ограничения национального суверенитета для реализации тех или иных задач и интересов, внешних по отношению к объекту манипуляции.

Технологии цветных революций разрабатываются на хорошей теоретической базе, описывающей основные движущие силы и механизмы институциональной динамики. Для развития такой базы используются, помимо прочего, хорошо зарекомендовавшие себя инструменты моделирования, которые позволяют систематизировать обширные массивы статистических данных и прогнозировать развитие ситуаций. Создание моделей (и их компьютерная реализация) является эффективным инструментом анализа и прогнозирования в системах поддержки принятия решений. Данные инструменты моделирования, в подавляющем большинстве, развиваются открыто и индифферентны к любым политическим целям.

Зарубежные исследования в этой сфере характеризуются не только высокой теоретической насыщенностью, но и стремлением к использованию точных методов, компьютерных моделей. Отечественные исследователи довольно хорошо знакомы с эмпирическими фактами, внешними проявлениями технологий цветных революций. Однако их теоретические основания, модели процессов и механизмов остаются не до конца проясненными.

В силу высокой политизированности тематики имеются следующие квазинаучные проблемы.

Во-первых, сугубо научные исследования с применением точных методов рискуют быть замещены публицистическими работами. Последние могут быть полезны для распространения определенных представлений в массовом сознании. Однако они не могут сформулировать концепции, достаточно верифицированные, чтобы на их основе можно было бы разрабатывать действенные социальные технологии.

Во-вторых, при изучении социополитических технологий существует дилемма открытости исследований. Безусловно, требуется некоторая степень доступности информации, необходимая для того, чтобы проблема стала объектом внимания широкого научного сообщества, а не только узкой группы аналитиков. В отношении зарубежных исследований по данной проблематике мы можем отметить, что значительная часть информации (за исключением данных о ключевых механизмах соответствующих технологий) является открытой и в значительной мере развивается безотносительно к конкретным политическим целям.

В-третьих, существует опасность исключительно «конспирологической» трактовки цветных революций, посредством отсылок к деятельности «шпионов» и «изменников». Не отрицая самого фактора «пятой колонны», заметим, что подобная интерпретация чрезмерно сужает и упрощает объяснительные схемы, препятствует пониманию механизмов институциональных трансформаций, их логики и внутренних предпосылок, причин сверхсильных эффектов несильных внешних импульсов, источников слабости институциональной структуры России и пр.

Исследования по институциональной модернизации (в социополитической сфере) активно ведутся в Высшей школе экономики [26 – 28], а также в комитете «Институционализм и политическая трансформация» Российской ассоциации политической науки (РАПН) [9, 25]. Исследования по тематике моделирования для историко-политологических нужд сосредоточены в нескольких центрах, объединенных Ассоциацией «История и компьютер» [11, 12], группой «Клиодинамика» [20], а также проводятся в Московском государственном университете (в частности, в Лаборатории математических методов политического анализа и прогнозирования) [10].

Тематикой цветных революций занято значительное число зарубежных центров. Помимо сугубо исследовательских коллективов, массовые протестные движения находятся в фокусе внимания правозащитных организаций, специально-аналитических и прочих организаций и сетевых центров, которые нельзя назвать сугубо научными. Если выделять именно научные центры, то следует назвать структуры Мэрилендского университета:

– Minorities at Risk (MAR) аккумулирует данные и анализирует состояние и конфликты политически активных этнических меньшинств во всех странах мира (www.cidcm.umd.edu/mar);

– START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism) систематизирует сведения о всех экстремистских организациях и движениях в мире (www.start.umd.edu/start);

– проект ICB (International Crisis Behavior Project) содержит данные по всем крупным внутривнутриполитическим кризисам во всех странах мира новейшего времени (www.cidcm.umd.edu/icb);

– и прочие проекты, которые агрегируют, структурируют и анализируют глобальную информацию (многие из этих проектов объединены в структуру CIDCM – Center for International Development and Conflict Management).

Кстати, именно с Мэрилендским университетом связана научная деятельность основателя tipping-моделирования Томаса Шеллинга.

В западных исследованиях широко используются tipping-модели для имитации большого количества явлений и процессов (сегрегация, ассимиляция, потребительское поведение, эволюция социальных сетей и пр.). Некоторыми исследователями (в частности, Г. Хелмке, С. Левицки [2]) они позиционируются как основной инструмент изучения скоротечной институциональной трансформации. В числе других современных модельных инструментов, tipping-модели способны симулировать нелинейные эффекты, контринтуитивное поведение системы, фазовые переходы и пр. Многие современные модельные инструменты основываются на достижениях теории хаоса. Это весьма удобно для компьютерной имитации институциональных трансформаций, инициированных «несильными» внешними импульсами. В России в политологических исследованиях tipping-модели не применяются, хотя опыт использования иных клеточных автоматов есть [23].

Воззрения американских специалистов в области институциональной трансформации формировались явно или не явно под сильным влиянием tipping-моделей [7, 5, 13]. В центре такого подхода: создание альтернативных социальностей (альтернативных «правил игры», альтернативных институциональных платформ) и переключение на них акторов под воздействием внешнего импульса. Для этого необходима пауза в функционировании наличной институциональной структуры. Это может произойти в ходе специально созданной или естественно возникшей ситуации ослабления социального организма, в которой возможно «опрокидывание» (скоротечная трансформация) институциональной структуры.

Следует рассматривать подход, развиваемый на основе tipping-моделей, как методологически чрезвычайно продуктивный. Однако технологии, предлагаемые на основе «опрокидывания», являются «катастрофическими», то есть предусматривают развитие через катастрофу или катастрофу как цель развития. Естественно, такие технологии производятся на экспорт. Опрокидывание неустойчивых, коррумпированных институциональных структур во многих странах напоминает хирургическую операцию с целью умерщвления пациента под предлогом его излечения. Издержки «опрокидывания» под воздействием внешнего импульса оказываются чрезмерными: взрывообразная межинституциональная маргинализация масс делает плохо предсказуемым процесс складывания новой структуры. А этот процесс может быть неприемлемо болезненным и иметь, кроме того, неприемлемые результаты.

«Турбулентная» модернизация и нелинейная институциональная динамика. Один из основателей современного институционализма – американский исследователь Д. Норт – определяет институты как устойчивые «правила игры», принципы социальных взаимодействий [24]. Причины устойчивости институтов выходят за рамки «незыблемости» формальных регламентов и организационных структур. Дело в том, что институты («правила игры») самовоспроизводятся, поскольку являются наличными формами взаимодействия различных акторов – людей, других институтов. Изменение наличной формы взаимодействия требует совместной воли и действий акторов, что само по себе труднодостижимо в условиях неполной информированности акторов о мнениях, позициях, намерениях и возможностях друг друга.

Институты, поэтому, чрезвычайно инертны, хотя в отдельных случаях возможна их скоротечная трансформация (замена основных разделяемых акторами «правил игры», революция или, по терминологии tipping-моделирования, «опрокидывание»).

В рамках классической линейной модели модернизации институциональная трансформация должна была осуществляться лишь в формате «медленной эволюции», а революционные скачки третируются как «патологические». Однако эта схема признается исследователями устаревшей – разнообразные неклассические представления о модернизации развиваются как попытка адаптировать теорию модернизации к теории хаоса [11, 12]. Было признано, что модернизационные скачки возможны, естественны и, более того, необходимы. Современные представления об институциональной модернизации предусматривают возможность как

закономерных, нормальных, так и «искусственных», спровоцированных извне, скоротечных институциональных трансформаций.

Совокупность нелинейных эффектов модернизации мы обозначили термином «турбулентная модернизация». В рамках представлений о «турбулентной» нелинейной модернизации прослеживается попытка отказаться от логики больших причин и больших следствий, изменить отношение к малым воздействиям. Средства и подходы теории хаоса (в том числе синергетики, фрактальной геометрии) предоставляют исследователю удобный инструментарий для изучения процессов, включающих фазовые переходы, «парадоксальную» несоразмерность причин и следствий, иные нелинейные эффекты. Микроскопические явления не только обеспечивают специфичность модернизации, но иногда прямо определяют ее макроуспех или неуспех. Несильные, «низко-энергетические» воздействия на систему могут вызвать в ней катастрофические самоусиливающиеся процессы. Именно на таких эффектах и основываются технологии цветных революций, в которых относительно слабый внешний импульс способен инициировать разнообразные деструктивные механизмы. Естественно, это возможно только в том случае, если время, место и характер этого импульса правильно рассчитаны, а институциональная структура готова его воспринять.

Для «турбулентной модернизации» характерны фазовые переходы: скачки, «прорывы», когда перестает действовать логика «больших причин и больших следствий». Как обратная стороны медали: система может проявлять «неестественную» пассивность, эффективно гася модернизационные импульсы и не реагируя на внешние вызовы.

«Турбулентная модернизация» не является равномерной — она охватывает в различной мере разные институты, слои и пространства, что, очевидно, может приводить к «противотечениям» (к формированию замкнутых архаизированных сегментов) и даже к структурным противоречиям. Так возникает институциональная структура, которую американский историк А. Рибер назвал «осадочным обществом» [6]. Здесь модернизированные институты не замещают (или не полностью замещают) традиционные, а надстраиваются над ними. Как результат: наличие социальной инерции, потребность в модернизационных сверхусилиях, институциональные конфликты.

Форсированная институциональная модернизация, а именно форсированный способ развития, по общему мнению исследователей, характерен для современной России, которая во многих случаях просто обречена на прохождение зон турбулентности.

Традиционные неформальные институты. Безусловно, не всякая институциональная структура чувствительна к цветным технологиям. Мы полагаем, что источником нестабильности современной российской институциональной структуры является наличие в ней архаичных элементов, по каким-то причинам переживших несколько модернизационных волн. Можно утверждать, что цветные технологии опасны главным образом для социально-политических систем, отягощенных традиционными неформальными институтами (ТНИ). В таких системах внешние деструктивные импульсы не угасают.

Термин «традиционный неформальный институт» применяется к огромному количеству феноменов, являющихся, по большей части, крайне негативными: сети личных связей и коррупция, клиентелизм, патернализм, патримониализм, кланы и мафия, nepotизм и пр. Именно коллизия формальности-неформальности (вместе со всеми ее многочисленными и не всегда позитивными следствиями) характерна, по мнению исследователей, для российской истории и действительности. Модернизация должна сопровождаться все возрастающей формализацией неформальных правил и механизмов социально-политического взаимодействия [1, 4, 22]. Обратный процесс — деформализация правил, в практическом плане, в большинстве случаев, представляет собой социальное зло. В отношении современной России можно сказать, что противопоставленность неформальных/традиционных институтов формальным/модернизированным является одной из наиболее значимых национальных проблем, поскольку создает наибольшие препятствия для прогресса общества и государства.

Дистрибутивный смысл современных российских традиционных неформальных институтов – «кормление», перераспределение общественных ресурсов (денег/власти/статусов/связей) в пользу кланово-криминальных субэлит (плюс уравнильное распределение остатков ресурсов в пользу социальных аутсайдеров как способ легитимации «кормления»). Этим объясняется традиционалистский характер этих институтов. ТНИ непосредственно связаны с интересами вполне определенных лиц и групп («семей», «кланов», «родов» и пр.). Отказ от ТНИ означает совершенно конкретные убытки для них; и, соответственно, они решительно поддерживают сложившийся институциональный порядок, включающий ТНИ. Острота ситуации заключается в том, что именно такие лица и группы позиционируют себя в качестве самых решительных сторонников и «опор» всей российской институциональной структуры. Действительно, паразит заинтересован в продлении жизни организма жертвы. Однако подобного рода отношения вряд ли выгодны жертве.

ТНИ можно рассматривать как взрывоопасный материал внутри российской институциональной структуры, который вполне можно поджечь извне. В «катастрофических» революционных сценариях ТНИ весьма часто выступают в роли рычага для «опрокидывания» всей институциональной структуры, поскольку наличие ТНИ снижает эффективность общественных институтов и органов власти, парализует поддержку суверенитета и демократии, обеспечивает постоянный отток активного населения в сферу внесистемной оппозиции. ТНИ, поэтому, являются источником слабости, угрозой стабильности всей системы институтов.

Конечно, деструкцию ТНИ следует рассматривать как естественную и практически единственную надежную защиту от цветных технологий в стратегическом плане. Однако общепризнанно, что такая деструкция (если она не сопровождается общим разрушением социального организма) требует довольно долгого времени, тогда как вызовы, связанные с цветными технологиями, имеют место «здесь и сейчас». Поэтому всякая длительная стратегия противодействия «катастрофическим» сценариям, очевидно, должна быть дополнена (именно дополнена, а не замещена) иными тактическими социальными технологиями, реализуемыми существенно более быстро.

Tipping-моделирование. Некоторые продуктивные модели, разработанные ведущими зарубежными учеными, остаются неиспользованными или даже неизвестными отечественным исследователям. Между тем, эти модели признаны эвристически продуктивными.

Модель сегрегации Т. Шеллинга (Schelling Segregation Model – SSM) также обозначается как tipping-модель (общепринятого перевода на русский язык нет). Впервые эта модель была предложена Нобелевским лауреатом Томасом Шеллингом и представлена в книге «Micro-motives & Macrobehavior» (1978) [7]. Известны различные модификации модели; среди них модель «шахматной доски», которая является наиболее простой (с ней изначально экспериментировал сам Шеллинг). Это название часто (хотя и не совсем правомерно) употребляется как исчерпывающее обозначение всех tipping-моделей. Название «модель сегрегации» возникло потому, что изначально она применялась именно для исследования разного рода социальных сегрегаций. Метафоры, которые использовались Шеллингом при формулировании и описании самой модели, подталкивали именно к такому ее применению. Однако, конечно, модель описывает более широкий круг феноменов.

Tipping-модель один из первых клеточных автоматов, специально предназначенных для имитации и прогнозирования социальных феноменов. Модель симулирует общий случай достижения рассеянными акторами согласия относительно консолидированного принятия (непринятия, замены) общих представлений (в частности, норм, «правил игры»). Известно, что tipping-модели активно используются для описания деструкции институтов, поскольку под последними, в конечном итоге, подразумеваются разделяемые всеми акторами принципы поведения, взаимодействия.

Американские исследователи Г. Хелмке и С. Левицки указывают: «Некоторые аналитические инструменты могут быть необходимы для объяснения некоторых быстрых неформаль-

ных институциональных изменений или [институционального] коллапса. Tipping-модели обладают одним из таких инструментов. Эти модели показывают, что если достаточно большое количество акторов приходят к убеждению, что новые и лучшие альтернативы существуют, и если существует механизм, с помощью которого можно координировать ожидания акторов, то переход от одного набора норм к другому может происходить достаточно быстро» [2]. Так вырабатывается и устанавливается альтернативный эквilibrium (баланс интересов, интенций акторов, а также обслуживающая, фиксирующая и исполняющая этот баланс институциональная структура, известная и принятая акторами). В этом случае «можно спровоцировать быстрый распад неформальных институтов» [2].

Tipping-модель демонстрирует, как именно «опрокидывается» (то есть скоротечно переключается) баланс между системами представлений различных типов. Конечно, чтобы переключение состоялось, люди должны знать и понимать альтернативные «правила игры», т. е. должны быть определенным образом подготовлены/образованы. Должен измениться баланс затрат и выгод от поддержания старого эквilibrium — это и ведет к его отмене.

Tipping-модели могут демонстрировать и предсказывать следующие эффекты и события:

1. Рассеянные акторы могут достичь согласия относительно глобального изменения правил игры (институциональной структуры), даже не коммуницируя друг с другом в глобальном смысле (без посредства референдумов, всенародных выборов или учредительных собраний), а коммуницируя лишь в рамках неупорядоченной совокупности малых групп.

2. Глобальная институциональная структура (система взаимоотношений акторов) может скоротечно разрушиться — перейти из одного качественного состояния в иное — без длительного подготовительного периода. Это и есть «опрокидывание» — tipping.

3. Само «опрокидывание», как и его конечный результат (т. е. новая институциональная структура), может не являться целью каждого конкретного актора или сильно выраженной целью, или, более того — может противоречить долгосрочным целям акторов. «Опрокидывание», поэтому, субъективно представляется неожиданным и нелогичным для каждого конкретного актора.

4. Пусковым механизмом для запуска процессов, ведущих к «опрокидыванию», является несильное внешнее воздействие на систему отношений — например, инспирированная извне пауза в функционировании институтов, когда становится возможной сначала незначительная, а потом все нарастающая миграция акторов на альтернативные институциональные платформы (принятие новых «правил игры»).

5. Процессы, ведущие к «опрокидыванию», являются самоподдерживающимися, содержат петли обратной связи-самоусиления. Поэтому данные процессы (процессы перехода акторов к новым «правилам игры») развиваются с возрастающими темпами (т. е. имеют взрывообразный характер), очень часто демонстрируют экспоненциальный рост или даже режим с обострением, «при котором одна или несколько моделируемых величин обращается в бесконечность за конечный промежуток времени. В реальности вместо ухода в бесконечность в этом случае наблюдается обычно фазовый переход; режим с обострением формируется в результате действия механизма нелинейной положительной обратной связи» [18]. Такие процессы являются слабыми (и нуждаются в активной внешней поддержке) лишь в самом их начале.

Заметим, что акторы, как было упомянуто в третьем пункте, могут стремиться лишь к весьма ограниченным целям (например, уничтожение самых одиозных, архаичных и неэффективных институтов), но это ограниченное, частное стремление внешне парадоксальным образом вызывает глобальный коллапс всей системы институтов. Что, в общем, не является искомым для акторов. Tipping-модели показывают механизмы таких «внешне парадоксальных» причинно-следственных связей.

Процессы «опрокидывания» могут быть вызваны даже не очень мощным начальным внешним импульсом. Механизмы tipping-моделей весьма чувствительны к использованию различных методов достижения согласия разрозненными акторами. Эти механизмы

также невозможны без установления петель обратных связей, выполняющих функцию самоусиления процесса. Например, самоусиление локального недовольства посредством его отражения и самоотражения формирует виртуальный квазифеномен глобального недовольства.

Если перевести все приведенные интерпретации на сугубо политологический язык, то можно утверждать, что *tipping*-модели позволяют обосновывать многие цветные технологии и прогнозировать их результаты. Закономерности, которые обнаруживаются при реализации *tipping*-моделей, оказали и оказывают (прямо или косвенно, явно или неявно) влияние на выработку цветных технологий, предназначенных для «опрокидывания» институционального порядка в странах, испытывающих существенные трудности, связанные с незавершенностью институциональной модернизации.

Так, например, американский исследователь Дж. Гараедаги, работающий в рамках СДМ (системно-динамического моделирования), так описывает скоротечный институциональный распад: «Хаотичный порядок, присущий стабильным, на первый взгляд, слаборазвитым и истощенным социальным системам, может столкнуться с неожиданными изменениями. Когда незначительный сбой запускает механизм обратной связи, усиливая сам себя, и порождает поразительную силу воздействия, возникает явление, известное как *эффект бабочки*. Конечно, любая система будет противодействовать этому при первом проявлении. Но если этот незначительный сбой выдерживает первые попытки его блокировки системой и резонирует с существовавшими ранее патологиями внутри системы, то начинается многократно повторяющийся (итеративный) процесс усиления первоначального отклонения в том же направлении. Именно таким путем небольшая группировка тесно сплоченных людей может произвести феноменальные сдвиги в структуре слаборазвитой социальной системы. Только, к сожалению, это изменение не всегда приводит к трансформации в саморазвивающуюся целеустремленную социокультурную систему» [13].

Именно наличие обратных связей в модельной среде позволяет имитировать процесс взрывообразного нарастания институциональной нестабильности при наличии самоотражения массового недовольства и пр. В этом смысле важно сфокусировать общественное мнение именно на очагах институциональной деструкции, вызвать эффект самоусиления и самоотражения.

«Опрокидывание» versus «акупунктура». Центр фрактального моделирования социальных и политических процессов (ЦФМ) объединяет институциональные исследования с разработкой математических компьютерных моделей институциональной динамики. Собственные разработки ЦФМ созданы с использованием средств фрактальной геометрии [8, 14–16]. Значительные усилия в ходе наших исследований были направлены на исследование возможности использования *общей фрактальной модели перехода* (ОФМП) для описания процессов и эффектов форсированной институциональной модернизации – применительно к системам, находящимся вблизи фазового перехода («взрывообразной» социальной трансформации).

Предложенная методология была использована, в частности, для изучения модернизационного потенциала социальных структур и политических институтов России, а также для прогнозирования отдельных «нестандартных» эффектов модернизационных воздействий на социум и политические институты. Обнаружены и разъяснены некоторые нелинейные эффекты, возникающие в социальных и политических системах, находящихся в состоянии качественной трансформации. В экспериментах с ОФМП показаны процессы сползания системы к хаосу через череду скоротечных фазовых переходов (перманентно-революционная деградация институциональной структуры). Если отдельные фазовые переходы – естественный способ развития, то их каскады (повторение со все возрастающей частотой) – показатель «перегрева» системы. Однако ОФМП демонстрирует возможность, при определенных условиях, перехода институциональной системы после фазового перехода к состоянию «новой стабильности».

Для обоснования стратегии деструкции ТНИ, которую условно назвали «акупунктурной политикой», была использована ОФМП. В нашей стране, в отличие от Европы, ТНИ непосредственно угрожают социальному и политическому строю (будучи способны к мимикрии и образованию «псевдоморфозов» и «метастазов», ТНИ проникают практически в любые институты, вызывают межинституциональные конфликты, отчуждение институтов, подрывают легитимность институтов). В отличие от американских рецептов для «третьих стран», в России нет намерения воспользоваться эффектом «опрокидывания» для разрушения самого социального организма.

Политика «иглоукалывания» (совокупность технологий, которые можно было бы назвать акупунктурными) предполагает фазовый переход (это также своего рода опрокидывание), но с выходом в состояние новой стабильности. Кроме того, инструментом для реализации такой цели является не мощный кратковременный импульс в специфической ситуации ослабления социального организма, а череда мероприятий по адресному разрушению ТНИ, перемежающихся регенерацией социальных пространств. Комплексность и локальность (точная направленность против конкретных институтов) деструкционных мер, проводящихся в различных и во многих точках социального организма, должна обеспечить его принципиальное сохранение. Этому же способствуют колебательная динамика деструкционных мероприятий, существование обратных связей для отслеживания их эффектов.

Акупунктурные технологии (в том числе на основе ОФМП) отличаются от цветных технологий так же, как ядерный реактор отличается от ядерной бомбы. Акупунктурная стратегия предусматривает возможность стабильной трансформации институтов или относительно быстрый переход к «новой стабильности». Цветные технологии всецело направлены на подготовку социально-политического взрыва. Можно сказать, что это — технологии накопления взрывоопасной «критической массы»; без провоцирования взрыва эти технологии не только не эффективны, но и вообще бессмысленны. ОФМП симулирует другую реальность — реальность, в которой есть тонкие управляющие воздействия, обратные связи и прочие феномены, которые можно было бы уподобить замедляющим стержням в реакторе.

Вновь сформулированные в 2000-е гг. внутри- и внешнеполитические ориентиры долгосрочного развития России предусматривают интеграцию страны в международное сообщество без утраты атрибутов национального суверенитета и без чрезвычайных издержек для социального организма. Кроме того, сохранение традиционных неформальных институтов, прямо и непосредственно препятствующих реализации модернизационного проекта, не удовлетворяет федеральную элиту, значительную часть бизнеса и среднего класса. Система ущербной полустойчивости, исчерпавшая себя уже с конца 1990-х гг., создает угрозы для стабильности институционального порядка в масштабах всей страны. Имеются веские основания полагать, что политический истеблишмент России, в значительной части, рассматривает такую ситуацию как угрожающую.

Существует объективная потребность разработки некатастрофических программ социального прогресса, основанного на нивелировании деструктивных внешних импульсов, на откате от неэффективных институтов, на социальной консолидации в рамках развитого гражданского коллектива. Это, в конечном счете, позволит четче обозначить слабые места институциональной структуры России, разработать технологии противодействия «катастрофическим» сценариям институциональных трансформаций (таким как цветные революции или традиционалистские консервации).

Список литературы

1. **Boesen N.** Governance and Accountability – How Do The Formal and Informal Interplay and Change? // International Seminar on Informal Institutions: What do we know, what can we do? URL: http://www.oecd.org/document/7/0,3746,en_2649_33949_37679943_1_1_1_1,00.html (Дата доступа: 15.02.12).
2. **Helmke G., Levitsky S.** Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda // Perspectives on Politics. 2004. Vol. 2. No. 4.

3. **Knight J.** Institutions and Social Conflict. Cambridge, 1992.
4. **Lauth H.** Informal institutions and democracy // Democratization. 2000. № 7 (4).
5. **Meadows D.** Thinking in Systems, A Primer. Vermont: Chelsea Green Publishing, 2008.
6. **Rieber A.** Chapter 21: The Sedimentary Society // Between Tsar and People, Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton Univ. Press, 1991.
7. **Schelling T.** Micromotives and Macrobehavior. NY: Norton & Company, 2006.
8. **Zhukov D., Lyamin S.** Computer modeling of historical processes by means of fractal geometry // Historical Social Research. 2010. № 3.
9. **Айвазова С.Г., Панов П.В., Патрушев С.В., Хлопин А.Д.** Доклад на учредительном заседании исследовательского комитета РАПН «Институционализм и политическая трансформация России». Режим доступа: <http://www.rapn.ru/?grup=254&doc=1447> (Дата доступа: 11.03.12).
10. **Ахременко А.С.** Динамический подход к математическому моделированию политической стабильности // Полис. 2009. № 3.
11. **Бородкин Л.И.** Методология анализа неустойчивых состояний в политико-исторических процессах // Международные процессы. 2005. № 1.
12. **Бородкин Л.И.** Синергетика в изучении неустойчивых историко-политических процессов: от «равновесия ужаса» к «ужасу неравновесия» // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. Вып. 3. Мінск: БДУ, 2007.
13. **Гараедаги Дж.** Системное мышление: Как управлять хаосом и сложными процессами: Платформа для моделирования архитектуры бизнеса. Минск: Гревцов Букс, 2010.
14. **Жуков Д.С., Лямин С.К.** Виртуальные сценарии форсированной институциональной модернизации: условия, результаты и интерпретации компьютерных экспериментов в программе Модернофрактал // Fractal Simulation. 2011. № 2.
15. **Жуков Д.С., Лямин С.К.** Модель политико-институциональной модернизации – Модернофрактал // Ineternum. 2011. № 1.
16. **Жуков Д.С., Лямин С.К.** Фрактальное моделирование социально-политических феноменов и процессов // Pro nunc. Современные политические процессы. 2011. Т. 10. № 1.
17. **Казанцев А.А.** Три сценария «цветной» революции в России (Моделирование сетевой динамики российской политики) // Полис. 2006. №1.
18. **Капица С., Курдюмов С., Малинецкий Г.** Синергетика и прогнозы будущего. М., 2001.
19. **Кара-Мурза С.Г. и др.** Экспорт революции. Ющенко, Саакашвили... М.: Алгоритм, 2005.
20. **Малков С.Ю.** Логика эволюции политической организации государств // История и математика: макроисторическая динамика общества и государства. М.: URSS, 2007.
21. **Медоуз Д.** Азбука системного мышления. М.: Бином, 2011.
22. **Меркель В., Круассан А.** Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 2.
23. **Минаев В.А., Овчинский А.С., Скрыль С.В., Тростянский С.Н.** Как управлять массовым сознанием: современные модели. Москва, 2012.
24. **Норт Д.** Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
25. **Панов П.В.** Институты и институциональные практики: проблема концептуализации // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2010. № 4.
26. **Поляков Л.В.** Идентичность и модернизация: российский опыт // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2011. № 4.
27. **Поляков Л.В.** Осмысливая модернизацию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 1.
28. **Поляков Л.В.** Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М.: ИФ РАН, 1998.